

ТАЛАНТ НАЛИЦО

Типизм... гербовая печать автора.

В. Белинский

Если свести литературоведческие изыски к простой и понятной даже не искушенным в теории людям аксиоме, то основное предназначение любого произведения — познание мира и осмысление жизни. Вначале художником-творцом. Затем читателями, познакомившимися с его наблюдениями, чувствами, идеями. И чем талантливее книга, тем сильнее она оказывает влияние на человека в эстетическом, нравственном и социальном аспектах.

Повесть Алексея Ряскина «Запрудское», опубликованная в седьмом номере журнала «Подъём» за 2015 год, заслуженно признана лучшим прозаическим произведением в литературном конкурсе «Кольцовский край». В ней столько нового, образного и дорогого.

Композиция повести проста и непритязательна. Сквозного развивающегося сюжета нет. Десять свободных от единого драматического развития (завязка, кульминация, финал) новелл связаны одним местом действия — деревней Запрудское и его жителями. Такое впечатление, будто автор делал добротные эскизные

зарисовки для будущего объемного романа. Форма изложения для него вторична. Главное — содержание, в котором он старается осветить как можно больше событий и их участников. Некоторые главы («Деревня», «Добро выкидывают») содержат несколько самостоятельных микросюжетов, не связанных временными рамками, героями и не разделенных порою даже абзацами. Повесть по-современному динамична и калейдоскопична.

При таком несложном композиционном построении писателю — как рассказчику в исконном значении этого слова — принадлежит особая роль, с которой, на мой взгляд, А. Ряскин успешно справляется. Рисуемые им картины, его рассуждения принимаются и сердцем, и разумом, находят в душе отклик и сопереживания. Передавая бесценные устные предания, что сохранила народная память, тридцатилетний автор так описывает события, будто сам все видел, пережил и осмыслил происходящее без малого сто лет назад. «А как еще впутается какой-нибудь родич, дед или прадед, — ну, тогда и рукой махни: чтоб мне поперхнулось за акафистом великомученице Варваре, если не чудится, что вот-вот сам все это делаешь, как будто залез в прадедовскую душу или прадедовская душа шалит в тебе». Эти слова замечательного «мастера истории отпускать» Фомы Григорьевича, дьяка диканьской церкви из «Вечеров на хуторе близ Диканьки», невольно всплывают в памяти, а гоголевский колорит так и видится при чтении «Запрудского».

В повести показан жизненный уклад русской деревни, общинные нравы ее жителей в период новой экономической политики (1921 — 1929 гг.), до раскулачивания и сплошной коллективизации. Изображение деревенской жизни того времени в нашей литературе явление редкое. Даже всезнающий Интернет — и тот на обозначенный исторический срок нашел всего одно произведение — роман Б. Можаяева «Мужики и бабы». И то лишь только в его первой части рассказывается о крестьянском мире, в котором мужикам воля: «стройся, ребята, работай, торгуй на всю катушку». Но жизнь можаевских героев протекает на социально-политическом и экономическом фоне с жизненными противоречиями и стихийными протестами.

У А. Ряскина нет революционного драматизма, классового борьбы и т.п. Повесть абсолютно аполитична, именно этим она свежа и оригинальна. Принципы отбора изображаемой жизни смещены от идейно-воспитательных к социологическим, будто все происходит «до исторического материализма». Мир Запрудского внутренне самоустроен и не требует внешнего вмешательства. В двух последних предложениях произведения сжато и четко обозначена вся его суть: *«Жили, как хотели, умирали, как могли. Всего хватало — и хорошего, и плохого».*

Мне понятны и дороги персонажи повести. Будучи старше на одно поколение Алексея Ряскина, захватил и саманные хаты с соломенными крышами, и дедушек с бабушками — поколение героев, изображенных в ней. Не сомневаюсь, для многих читателей они оживили в памяти наших деревенских предков, составлявших в 20-е годы прошлого столетия более 80 процентов населения страны, — не дед, так прадед землю пахал. В «Запрудском» осознанно и ясно представлена их жизнь, отношение к ней, по-крестьянски простое мировосприятие и миропонимание. И удивило не только то, что молодой автор так образно, емко и типично воспроизвел эту жизнь, но еще и глубоко осмыслил одни из важнейших черт характера и менталитета наших предков: трудолюбие и сердечность, сопереживание и взаимовыручку, общинность в заботах и в праздниках. *«...редкий дар приниматься за любое дело с радостью... был неотъемлемой частью почти всех жителей Запрудского. Работа не была здесь чем-то отличным от самой жизни. Этому не нужно было учиться. К этому не нужно было принуждать. Тело само этого требовало».* В строительстве отцом многодетного семейства Калтоном нового дома участвовали многие: *«Вечером приходили мужики и помогли стро-*

ить. Все работали весело, бескорыстно, от всей души, как будто строили для себя. Ближе к ночи, когда уже вытянутой руки было не увидеть, работы прекращались, и все расходилось по домам... Калтон ложился на землю и засыпал прямо посреди строительного мусора». И новоселье отмечали широко, всем обществом. Полина (жена Калтона) «пыталась было считать, сколько человек пообещало прийти к ним, но через пару дней бросила... знала, что помимо приглашенных придут еще и те, кто просто захочет выпить-закусить, и на них тоже придется рассчитывать».

В любом произведении интересно не только то, о чем или о ком пишется, но и какими художественными средствами автору удается увлечь читателя, доставить ему эстетическое наслаждение. Творческое мышление А. Ряскина метафорично. Его образность такова, что уже с первого абзаца возникает ощущение, что рисованные картины сделаны в формате 3D, в объемной перспективе. «Дома в Запрудском стояли так близко, что пауки опутывали пространство между ними единой паутиной и ползали с одной крыши на другую прямо над головами прохожих. Бывало, ляжешь летом ночью посмотреть на звезды, а пауки так и мелькают в небе, переползая от одного созвездия к другому».

Необходимыми условиями таланта и объективными критериями художественности В. Белинский называл простоту, истину жизни, народность и оригинальность произведения. Под народностью великий литературный критик подразумевал «верность изображения нравов, обычаев и характера того или другого народа». А основным отличительным признаком творческой оригинальности для него был «типизм, который есть гербовая печать автора». В «Запрудском» у Алексея Ряскина все это налицо.

В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ

*И вот опять попали мы в глушь,
опять наткнулись на закоулок.
Зато какая глушь и какой закоулок!*

Н. Гоголь

Типизм жизни в Запрудском надо рассматривать в контексте истории. Зная, что происходило в нашей стране до описываемых событий, и особенно после них, становится до боли обидно, что крестьянский мир, в котором люди «жили, как хотели, умирали, как могли», был разрушен. Самое многочисленное русское сословие с вековыми нравственными ценностями и традициями ушло в историю.

Реалистическое — не пасторальное — отображение крестьянской жизни в классической отечественной литературе началось с Пушкина, Гоголя, Григоровича, Тургенева... Продолжилось следующим за ними поколением разночинцев: Н. Успенским, Слепцовым, Славутинским... Далее — Чеховым, Буниным, Горьким... В советский период — Шолоховым с его классической «Поднятой целиной», писателями-«деревенщиками» Овечкиным, Троепольским, Астафьевым, Беловым, Е. Носовым... Каждый из них в свое время и по-своему подробно и осмысленно отобразил деревенскую жизнь в ее переломные моменты, в т. ч. и в драматические 1930-е, военные и послевоенные годы XX века. А вот жизнь деревни в период НЭПа, как уже отмечалось выше, освещена скупо.

Место действия повести обозначено конкретно — деревня Запрудское. Не село, а именно деревня. Церкви строили только в селах, и поп Комаренок проводит службы в соседнем Можайском. По немногочисленным приметам и деталям — хоть автор и избегает обозначения конкретной даты — это лето 1929 года. Уже есть

упоминание о колхозном труде. Коллективные хозяйства существовали с 1918 года в трех организационно-добровольных формах: коммуны, артели, товарищества по совместной обработке земли. поголовно-принудительно загонять в колхозы начали с января 1930 года. В Запрудском земельные наделы, лошади, коровы еще не обобществлены. Каждая семья ведет свое хозяйство. Административными органами Запрудское тоже пока не обременено. На три поселения достаточно одного участкового с символической фамилией Калатушкин, чтобы привносить «в крестьянский быт чувство порядка и справедливости». Благодаря новой экономической политике — свободному (пусть и не всегда справедливому) товарообмену у крестьян появились средства. Один из главных героев повести Калтон в то лето построил новый деревянный дом.

Все это приметы НЭПа. В «Запрудском» изображена патриархальная община такой, какой она рисовалась мне в рассказах бабушки и дедушки, отголоски которой застал сам. «Мы ситный хлебушек досыта только при царе и НЭПе ели», — рассказывала о том времени бабушка с материнской стороны. К ней ходили отливать детский испуг, молитвами и заговорами она лечила «сглаз», «рожу», отводила порчу. Дед по линии отца построил в то время для своей многочисленной семьи дубовый дом.

Именно в историческом контексте повесть А. Рясина настолько нова и емка по содержанию, что вспоминаются слова Хемингуэя: «Хорошая проза подобна айсбергу, семь восьмых которого скрыто под водой». Создавая свой художественный мир, писатель сумел довести конкретные образы до символов той эпохи. Со свойственным ей повседневным бытом и наличием ирреальных сил. С переходом от веселости и смеха к грусти и трагизму. С простым человеческим пониманием добра и зла. С размышлениями о жизни и смерти. И даже любовью с шекспировской развязкой.

Наиболее полно образное осмысление крестьянского свободного духа в последний нэповский год автор отразил в главе «Это и есть самое главное». Здесь эпитеты, сравнения, метафоры, таящие «в себе какое-то неизъяснимое волшебство», переходят в образы-символы. В жаркий полдень девушка «в легком развевающемся сарафане... казалось, летела над землей... что-то было в ее взгляде, какая-то тайна, говорившая о том, что ей понятна истина, недоступная другим». Каждый, кто встречался с ней на пути, испытывал «какую-то щемящую, непонятную ему самому грусть», ощущал, как «счастье медленно разливается по всему телу, беря начало откуда-то из-под сердца... Так бывает — увидишь что-то и чувствуешь: это и есть главное. И это не навсегда, это уйдет. В такие моменты только и понимаешь, что жизнь стоит того, чтобы прожить, какой бы бессмысленной она ни казалась вначале. Многие в тот день, кто встретил бродившую по Запрудскому девушку, поняли это». Пройдя по деревне, «девушка-счастье» так же внезапно, как и появилась, «растворилась в подсолнухах, и больше она никогда не появлялась в Запрудском».

Автор с высоты своего времени видит и знает, что совсем скоро наступит другая эпоха. Рыночные взаимоотношения — свободный труд свободного человека — доживают последние дни. Сплошная коллективизация — новое закрепощение крестьян — разрушит общинный тип крестьянина-труженика, его мир, в котором царили солидарность, сострадание и справедливость. Герои повести об этом даже не догадываются. И только одна старая колдунья Хрупалка «понимала, что гостя, минуту назад стоявшая напротив ее дома, проходила по этой деревне в последний раз». Тем ценнее сбереженная память о той свободной и счастливой жизни наших предков.

У истинного таланта каждое лицо — тип, и каждый тип для читателя есть «знакомый незнакомец».

В. Белинский

Любопытна обширная галерея жителей Запрудского, которых автор изобразил естественными и раскрепощенными в своих поступках, с достоинствами и недостатками, не обремененными идеологическим влиянием в то кипучее политизированное время. Пятьдесят один из них с собственными именами или прозвищами, более десятка — безымянны. Действующие лица, у которых *«всего хватало — и хорошего, и плохого»*, обладают как общими чертами: *«тела и души обращены природой и трудом»*, так и индивидуальными. Участковый Калатушкин *«был высокий, нестарый еще мужчина с копной соломенных волос на голове и усами, похожими на конскую гриву. В плечах он был широк настолько, что в некоторые дома заходил боком, не вмещаясь в дверной проем»*. А вот *«Сашка Последов — деревенский пастух, известный тем, что он моется только два раза в году: на Ильин день и под Рождество, в проруби»*. Или, к примеру, колоритное описание двух женских персонажей. Это в вечном в движении старуха по прозвищу Анылка, которая *«была старой настолько, что волосы, падавшие с ее головы, рассыпались в прах, не успев долететь до земли... Даже птицы облетали старуху за версту, пугаясь ее бездонного возраста... воздух в ее доме настолько был пропитан старостью, что там даже мухи не водились»*. А ведьма Хрупалка при смерти *«визжала так, что у младенцев, живших неподалеку, седали ресницы»*. Даже безымянных представителей власти автор парой мазков характеризует выпукло, запоминаясь ехидно: *«...из города приехала комиссия: искали самогон. Калатушкин лично сопровождал приезжих — двух высоких, чахоточного вида мужчин и женщину, которую, судя по внешнему виду, в детстве кормили только редькой»*.

Через конкретные дела героев, деталь в облике автор раскрывает их характеры, состояние внутреннего мира, их психологические типы. Так, например, постоянно депрессивно-печальный Федор Беженцев, живущий прошлым, бесконечно сожалеющий о нем, известен *«всем своей привычкой плакать»*. Для жены Федота Захарова — Федосьи — забота о ком-то или о чем-то является в характере базовой. У нее всегда *«дел невпроворот»*, а *«когда в доме болезнь... сама не своя»*. Она ярко выраженный психотип человека-эмотива.

Одной из главных общих черт, как уже отмечалось выше, жителей Запрудского было трудолюбие. Работа составляла основу жизни, была для них необходимой потребностью и главным человеческим талантом. И именно этот талант нес в себе — на генетическом уровне — чуткое восприятие происходящего вокруг, способность сердечно отзываться на заботы другого человека.

В главке *«Пусть и на том свете зелено будет»* труд женщин на огромных свеколочивых наделах, сравнимых *«разве с небольшим морем, по которому бабы плавали, словно лодки с огромными тьянками вместо весел»*, обрисован образно и подробно. Пропалывая свеклу, они обсуждали *«последние события, делились радостями, жаловались на мужей, сплетничали — и все это, ни на минуту не прекращая движения от начала борозды к ее концу... Пололи до самого заката, изредка останавливались, чтобы попить. Иногда продолжали работать и после захода солнца, до тех пор, пока еще можно было различить свеклу. Как только ночь делала невозможной любую работу, бабы ложились среди рядок, подкладывали под головы тьянки вместо подушек и засыпали так быстро, что некоторые даже забывали закрыть глаза»*.

Темnote почему-то не показан тяжелейший изматывающий труд мужиков на полях. Хотя кто бывал в деревне, мог видеть: в сев и сенокос, в жатву и пахоту рубахи на мужских плечах не просыхали даже в жару. В Запрудском же пока жены пропалывали свеклу, мужчины *«дурели от долгого отсутствия родного женского тепла и безумствовали кто как мог. Кто пил, кто уходил с головой в работу, часто ненужную и бестолковую, кто-то тосковал внутри себя»*. Совместная работа мужиков дважды изображена какой-то несуразной и необъяснимой: *«...вдвоем они быстро проломили плотину. Вода хлынула на луг. — Вот что наделали, сволочи! — удивленно закричал кто-то»*. Правда, посоветовавшись, мужики исправили недоразумение Кольки Морданова и Витьки Кондусова, прокопав канаву вокруг яблоневого сада и соединив Обросимов пруд с рекой Хворостянской (или с другим прудом? как указано в тексте чуть ниже). Но *«всем пришлось по душе такое изобретение. Только старая Бащева покачала головой и сказала мужикам: «Дурачье»*. Во втором эпизоде они изображены автором опять в неожиданной двухдневной работе: посадке тополей вокруг того же сада. И в том и другом случае работа закачивалась в пьяной *«атмосфере праздника»*.

В описании своих героев А. Ряскин нисколько не стесняется показывать и каждый «непричесанный» характер, и общий большой порок — *«мужики... озверело пили водку»*. Единственного представителя власти на три деревни жители *«очень уважали... и в знак своей признательности часто угощали его водкой или самогонном. К спиртному организм Калатушкина был расположен самым лучшим образом... Здоровье и хорошая еда позволяют ему обойти пять-шесть долов за раз и в кармочке выпить по стакану»*. Самоголоварение в деревне было повальным, и в характеристике данного героя, имеющего общественный статус, явно сквозит авторская ирония. Так же как и в словах: *«шутя со спиртным, никогда нельзя быть уверенным в том, что тебе удастся его одурачить»*. Но писатель резко осуждает пьянство, показывая, к каким непоправимым последствиям оно приводит: *«рукоприкладство пьяницы-отца было причиной ям и колдобин на дороге Сашкиных мыслей»*.

«Жить без вина мы не можем, ибо на Руси все веселие и удовольствие бывает в подпитии», — мысль, высказанная еще в X веке великим киевским князем Владимиром, увы, верна и по сей день.

Тема смерти в «Запрудском» звучит достаточно основательно. Ей посвящены две главки, в которых необъяснимо тонет Нюрка Агапова и умирает в мучениях старая колдунья Хрупалка. В других восьми случаях упоминается о смертях Захара Петухова, его жены, некоторых их детей, жены его сына Якова — Груши, Егора Последова, Махорыча, Польки Симовой и даже двух монахов, которых загрызли когда-то давно в Дурном логу волки. В своих размышлениях А. Ряскин как бы говорит: смерть неизбежна, каждый умирает по-своему, а когда — только бог знает. *«Все люди должны жить и умирать, и в этом нет ничего страшного. И, быть может, отнять у человека смерть значило обокрасть его»*. Один из главных героев Калтон *«все ждал, что хоть одна звездочка все-таки упадет, и он успеет загадать единственное желание: чтобы когда ему, Калтону, придет время помирать, была бы обязательно весна»*. Даже обсуждение похорон (чтоб поп отпел, чтоб могилка была глубокая, а не «по колену»), и попадут ли они в царствие небесное, занимает жителей деревни.

Любовь в повести показана в трагическом ключе. Так, Захар Петухов, человек богатырского здоровья и немереной силы, которому *«все обещало долгую жизнь»*, умер, не перенеся горя, через три месяца после смерти своей жены. А его сын Яков, ставший на шестой день после женитьбы вдовцом, *«залез в подпол и пил там, не переставая, целый месяц... от количества выпитого и долгого пребывания в темноте он весь покрылся морщинами и ослеп на один глаз»*. От любви рожда-

ются дети. И у кого их не было, как, например, у Агаповых, «жили в грусти и полном отчуждении жизни» (может быть, поэтому и плюнула мертвая Агапова в лицо многодетному Калтону?).

Автору удается так поэтично изобразить природу, что при чтении забываешь, где находишься, растворяясь в описываемой атмосфере. *«Лето таит в себе какое-то неизъяснимое волшебство, таинственное и почти незаметное. Осколки счастья... рассыпаны в каждом летнем дне, в каждой его минуте. Хочется жить просто, как трава или как деревья, и тянуться к небу, не думая о приближающейся осени... Быть может, магия лета заключена в солнце? В том самом солнце, которое в эти дни источает не только свет и тепло, но и еще что-то, какое-то неназванное чувство, лежащее за гранью любви и добра? ... Это тайна тайн, которую может почувствовать только очень большое сердце... Воздух был теплый, пахнувший травой и еще чем-то непонятно сладким... Запах был разлит повсюду, шел не от травы, не от земли и цветов, но откуда-то из глубин времени, из самого детства... Ветер тронет траву, будто поцелует... А трава-то, трава! Зеленая, сочная и мягкая, как волосы матери... Небо нависало огромным безоблачным васильком».*

Герои слиты с природой и через ее восприятие способны к обобщенно-точному самоанализу и философскому осмыслению жизни: *«Федот Захаров лежал в траве, широко раскинув руки, и смотрел в спрятанное за ветками яблонь небо. Здесь, в саду, утопая в траве и цветах, он чувствовал, что жизнь проста и прекрасна, и все в ней правильно и понятно».*

ЗАКОЛДОВАННЫЕ МЕСТА

*Захочет обморочить дьявольская сила,
то обморочит; ей-богу, обморочит!*

Н. Гоголь

Как известно, форма и содержание взаимосвязаны и оказывают непосредственное влияние друг на друга. Строгая форма дисциплинирует произведение. При достаточно свободной манере повествования, что видно и в «Запрудском», могут проявиться авторская небрежность и фактические неточности, языковые несоответствия времени и месту, смысловая недосказанность и уязвимость «заколдованных мест».

Так, например, в самом первом абзаце повести дома в Запрудском летом стоят так близко друг к другу, что *«пауки опутывали пространство между ними единой паутиной... под ней можно было стоять в дождь и не промокнуть».* Прекрасная метафора. Но уже в следующем абзаце зимой они *«похожи на заметенные снегом буханки хлеба, разбросанные каким-то неведомым великаном по полю».* Явное противоречие: то ли дома стоят рядом, то ли «разбросаны»? Может, и «разбросаны», но, наверное, переулками и улицами, верно.

Такая же неясность возникает и при встрече в прямой речи безграмотных и немолодежьких героев, рожденных еще в XIX веке, современных неологизмов типа «бухарики» или иностранных слов типа «галиматья». Вообще-то в повести прямая речь занимает не более пятнадцати процентов текста, но даже при этом смачные слова той эпохи и местности, такие как *хворь, окаянный, нищепрод, брань, всухомятку, слухай, нехристь, брехня, анадысь, бедокурить* и т.п., встречаются крайне редко. В основном это современная нейтральная лексика, как и в авторском тексте. Даже «дом» не назван ни хатой, как, к примеру, на малой родине моего деда, ни избой, как у бабушки. А ведь архаизмы и диалектизмы придают произведению неповторимое своеобразие. Не зря говорят, дьявол кроется в деталях.

По все это, на мой взгляд, явные и легко устранимые мелочи. Есть вопросы, на которые мне так и не удалось найти ясных ответов. Много чего странного и необъяснимого происходит в Запрудском: *«Грань между вымыслом и явью, между реальностью и небылицей... настолько тонка, что местами прорывается, открывая волшебству дорогу в наш мир»*. Взятые в кавычки авторское описание деревенского тихого вечера особенно заметно в главах «Праздник по утопленнице», «Хоть мешок на голову одевай» и «Дурной лог». Изображенные в них события даны в странном ракурсе и представляются сегодняшнему читателю дремучими небылицами.

Но, с одной стороны, причудливость ирреального в сочетании с подлинной правдой жизни были для наших предков органичны. Именно в таком сочетании раскрывается мышление безграмотных жителей деревни, их неотъемлемые черты, связанные с предрасудками и поверьями. Для них газеты *«были такой редкостью, что в них верили меньше, чем в то, что на конце радуги спрятано золото»*. А, с другой стороны, в некоторых обстоятельствах их поведение не воспринимается даже как гротескное и не находит объяснения. Фантастические силы как-то уж слишком несуразно и безмерно парадоксально вмешивались в жизнь людей даже для того времени.

Так, молодая Хрупалка, *«чья дурная слава была известна на все три деревни... умело пользовалась своею привлекательностью, толкая деревенских мужиков на самые дикие и смешные поступки. Один, который капли спиртного в рот не брал, вдруг напивался, выходил на середину улицы и начинал петь матерные песни, смеша деревню и позоря родных. Другой, которого все знали как серьезного и разумного мужика, ни с того ни с сего начинал вытворять что-то сумасбродное: раздевался догола, вымазывался курином пометом и бежал по деревне, пугая баб и детей. Третий, тихий да смирный, затевал драку. Четвертый принимался строить сарай прямо посреди дороги. Ехавшие мимо мужики чуть с телеги не упали от смеха, когда увидели, как он забивает колышки и размечает землю, пиная кур и выдергивая то тут, то там лопух. В общем, смешного и нелепого было много»*.

Интересен и необычен образ служителя церкви в «Запрудском». Революционные годы, разграбление и разрушение церквей, атеистическая пропаганда пошатнули у людей веру в бога. Попа Комаренка из соседнего села Можайского автор рисует с издевкой. Он *«умудряется пить самогон даже в пост... и чуть не утонул в пруду, когда с телеги пьяный упал»*. Про него старуха Хрупалка, к которой мужики принесли его, чтобы успокоить ее перед смертью, сказала: *«А попа увидите, чтоб кур моих не смешил»*. Про другого попа, который *«пошел за купающимися девками подглядывать, залез в камыши да и утонул»*, чей-то голос крикнул: *«Хоть бы все перетопли!»* Наверное, Комаренок был расстригой. А «каков поп, таков и приход» — говорили раньше. Может быть, отсюда тоже и пьянство мужиков, и суеверие жителей Запрудского.

К счастью, в деревенской жизни мне доводилось видеть совсем других священников. К одному из них мой дед до глубокой старости каждое воскресенье ходил за пять километров в церковь на исповедь. Бабушка, которая не оканчивала церковноприходской школы, но регулярно посещала до революции сельский храм, была настолько привержена к православной вере, что даже после его разрушения в начале тридцатых годов прошлого века на протяжении семидесяти лет каждое утро и вечер не менее получаса проводила за молитвами перед домашними образами. В большинстве изб и хат и сегодня в красном углу висят иконы Спасителя и Божьей Матери. В общем, в образе попа Комаренка я не увидел, как говорил Белинский, тип «знакомого незнакомца». В то время люди были религиозны, и основная их масса не отшатнулась от церкви так, как это показано в «Запрудском». По-моему, творящаяся в деревне бесовщина изображена чрезмерно.

Не удалось мне четко понять авторский замысел в изображении двух смертей. Загадочно-неопределенной (может быть, сакральной? — потому и праздник по утопленнице) смерти Нюрки Агаповой, вызывающей странное поведение природы и односельчан. И таких же странных чудес, потрясавших неделю всю деревню до кончины старой ведьмы Хрупалки. Мысли рождались разные, но четкого ответа у автора на них не находил. На мой взгляд, он не озаботился разъяснением происходящих странно-необычных явлений. А как говорится, кто ясно мыслит, тот ясно излагает. Но, может быть, никак не объясняясь, писатель дает нам свободу в интерпретации и домысливании прочитанного и самим расшифровать обозначенные образы.

На вручении премии «Кольцовский край» Алексей Ряскин отметил, что писал «Запрудское» по велению души и сердца. А на мой вопрос, что он хотел сказать появлением в конце повести утопленницы Нюрки Агаповой с песней о спрятанном колечке под построенным Калтоном домом и ее плевком ему в лицо (наутро мужик ослеп на один глаз), А. Ряскин ответил уклончиво. Возможно, как говорила австрийская писательница Мария Эбнер Эшенбах: «В хорошей книге больше истин, чем хотел вложить в нее автор».

В заключение подчеркну еще раз: повесть Алексея Ряскина читается на одном дыхании, увлекает сразу, с первого абзаца новизной изображаемых событий и образностью, глубоким осмыслением жизни *своих земляков*. Метафоры в повести парадоксально-символичны, а наблюдения аналитичны. Рассыпанные по всему тексту описания природы, героев, их повседневной жизни, нравов — яркие, самобытны и работают на главную идею: показать и сохранить в нашей истории патриархальный крестьянский мир и образы наших предков.

Уверен, Алексей Ряскин, молодой писатель, литератор неординарного таланта, еще не раз порадует своих читателей новыми произведениями, из которых они почерпнут и знание, и мудрость, и радость.